

Григорий Ионович РАВИНСКИЙ (1909—1994) родился в Петербурге, но вторую половину жизни, послевоенную, прожил в Москве. По образованию был экономистом, но по призванию — шахматистом, более того, шахматным педагогом. Мастером стал в 1941 году. Выжил в ленинградской блокаде. Мне приходилось немало общаться с ним, но об ужасах блокады мы не говорили. Григорий Ионович всегда был корректен, вежлив, как истый петербуржец.

У него было еще, как теперь говорят, хобби — театр. А конкретнее я судить не могу, потому что в этом вопросе слабоват.

Внешне нельзя было определить, что Григорий Ионович пережил, находясь на грани голодной смерти. Но мой товарищ рассказал, что однажды, когда он и Григорий Ионович обедали в

ресторане, Григорий Ионович попросил после того, как ему принесли зеленые щи, со сметаной, разумеется, принести еще полстакана сметаны. Вылил ее в щи, размешал и съел всего несколько ложек. А ел он немного. Но блокада...

Григорий Ионович любил заниматься с юными шахматистами. Его радовало вообще проявление способностей — какая-нибудь интересная партия, комбинация, ход. Он активно участвовал в общественных делах шахматной организации. Долгие годы возглавлял в Москве квалификационную комиссию и был, как говорится, строг, но справедлив. Ребята шутили, что звание мастера не получишь, пока не выиграешь у Равинского.

Мне он как-то дал дельный совет — не ограничиваться черными сицилианской защитой. Чтобы стать мастером, надо играть и 1...e5. Я послушался. А на мои утверждения, что все решает миттельшпиль, а не дебют (лень сказывалась, очевидно), Григорий Ионович иронично улыбался.

Он был заслуженным тренером СССР, международным арбитром. Настоящим тружеником.